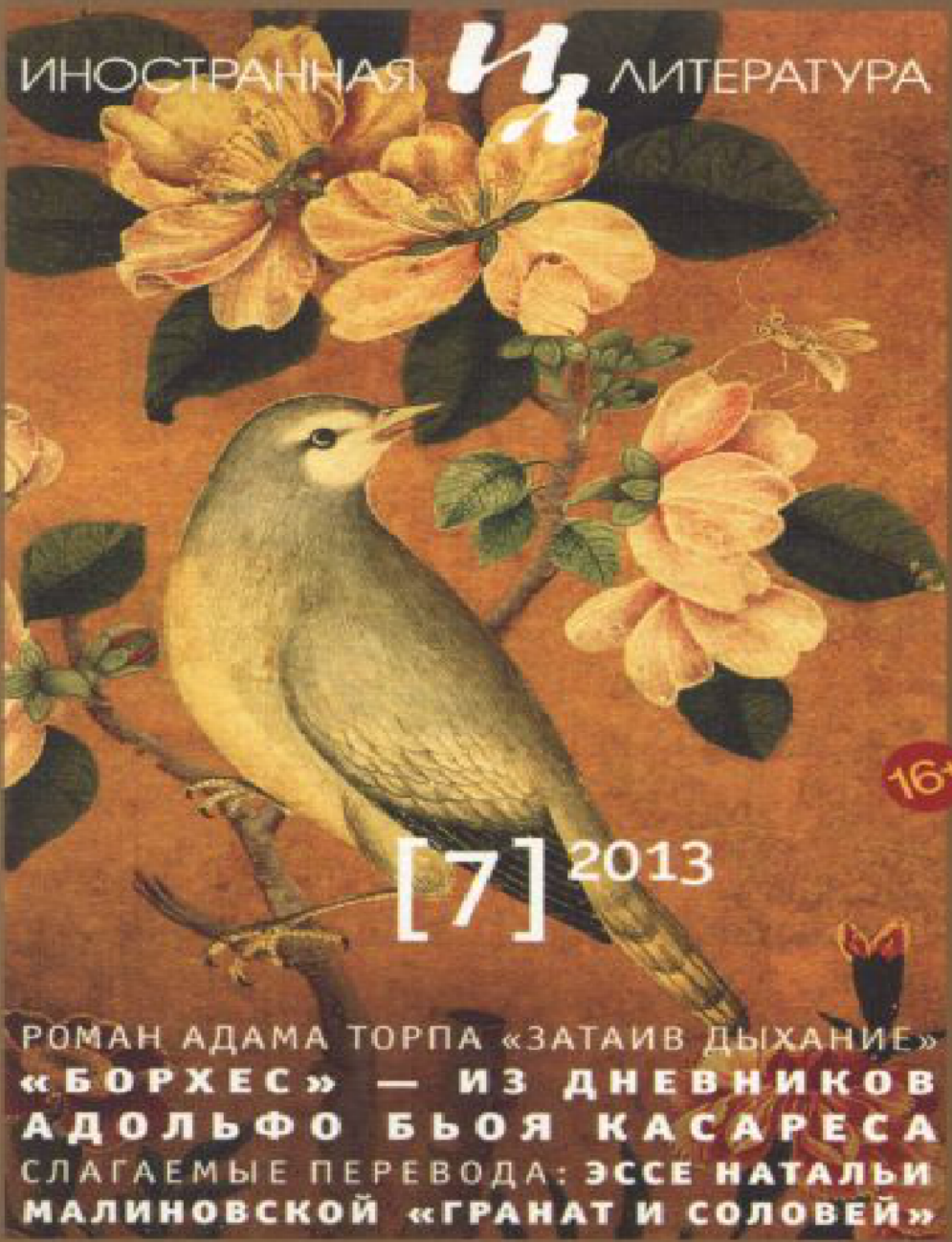
ISSN 0130-9641

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



16+

[7] 2013

РОМАН АДАМА ТОРПА «ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ»

«БОРХЕС» — ИЗ ДНЕВНИКОВ АДОЛЬФО БЬОЯ КАСАРЕСА

СЛАГАЕМЫЕ ПЕРЕВОДА: **ЭССЕ НАТАЛЬИ МАЛИНОВСКОЙ «ГРАНАТ И СОЛОВЕЙ»**

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В рубрике «Документальная проза» — Адольфо Бьой Касарес (1914–1999) «Борхес» (Из дневников) в переводе с испанского Александра Казачкова. Сентенция на сентенции — о Шекспире, Сервантесе, Данте, Бродском и Евтушенко и т. п. Некоторые высказывания классика просятся в личный цитатник: «Важно, не чтобы читатель верил прочитанному, а чтобы он чувствовал, что писатель верит написанному». Или: «По словам Борхеса, его отец говорил, что одно слово в Евангелиях в пользу животных избавило бы их от тысяч лет грубого обращения. Но искать это слово бессмысленно, его там нет».

- Адольфо Бьой Касарес
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

Адольфо Бьой Касарес
Борхес
Из дневников

Кажется, моя дружба с Борхесом началась с нашей первой беседы, случившейся в 1931-м или 1932 году на пути между Сан-Исидро и Буэнос-Айресом. Борхес был тогда одним из самых известных молодых писателей, а я — юношей с одной-единственной опубликованной книгой, которую мало кто заметил. <…>

Хотя мы были очень разными как писатели, дружба оказалась возможной, ведь нас объединяла страсть к книгам. Целые вечера мы проводили в разговорах о Сэмюэле Джонсоне, Де Квинси, Стивенсоне, фантастической литературе, детективных сюжетах, о «L'Illusion Comique»[1], литературных теориях, о contrerimes[2] Туле, о проблемах перевода, Сервантесе, Лугонесе[3], Гонгоре и Кеведо, о сонете, верлибре, китайской литературе, Маседонио Фернандесе[4], о Данне[5], времени, относительности, идеализме, о «Метафизической фантазии» Шопенгауэра, о неокреольском наречии Шуля Солара[6], о «Критике языка» Маутнера[7]. <…>

Я работал с Борхесом над самыми разными вещами: вместе мы писали детективные и фантастические рассказы с сатирическим уклоном, киносценарии, статьи и предисловия; вели книжные серии, составляли антологии, комментировали классиков. Среди лучших моментов моей жизни вспоминаю вечера, когда мы сочиняли аннотации на «Urn Burial», «Christian Morals» и «Religio Medici»[8] сэра Томаса Брауна, «Остроумие, или Искусство изощренного ума» Грасиана, подбирали тексты для «Антологии фантастической литературы» и переводили Сведенборга, Эдгара По, Вилье де Лиль-Адана[9], Киплинга, Уэллса, Бирбома[10].

Какими вспоминаются ощущения от наших тогдашних диалогов? Стихи, критические заметки, увлекательные эпизоды прочитанных мной книг в интерпретации Борхеса представали новой истиной, а все непрочитанное — миром приключений, ослепительным сном, каким временами становится жизнь.

И я спрашиваю себя: а не покажется ли грядущим поколениям нынешний Буэнос-Айрес в какой-то мере историями и персонажами романа, придуманного Борхесом? Возможно, так оно и будет, ведь, как я убедился, слово Борхеса нередко кажется людям большей реальностью, чем сама жизнь.

1947 год

Среда, 21 мая. Начал вести дневник.

1948 год

Вторник, 13 января. Говоря об идее книги и ее последующих черновиках, Борхес замечает: «Книга — тень чего-то возникшего в голове автора, причем автор не представляет себе это что-то достаточно четко: тень появляется, остальное исчезает. Произведение становится реальным, а идея — лишь следом от него, все более и более ирреальным. Перечитав ранние стихи Йейтса, похорошевшие за двадцать лет после многих исправлений, я подумал, что он добивался именно такой формы: понадобилась вся жизнь автора, чтобы стихи обрели совершенство. Возможно, в голове поэта не бывает плохих стихов; возможно, во всех плохих стихах заложены хорошие стихи, они-то и побудили автора писать».

1949 год

Суббота, 10 сентября. В лекции о Гёте Борхес сказал: «В подражание религиям литература каждой страны тоже имеет свою каноническую книгу или автора. В Италии (а может быть, и во всем мире) это Данте, в Англии — Шекспир, в Испании — Сервантес, во Франции — Расин, Гюго и Бодлер, у нас, возможно, Эрнандес[11], в Германии — Гёте. Пожалуй, Данте — самый необыкновенный из авторов, а изучение ‘Божественной комедии’ предполагает исследование христианского богословия, классических литератур (в частности, Вергилия) и многого другого. Шекспир — любопытный случай, поскольку речь идет об авторе, который в силу обстоятельств той эпохи не мог считать себя литератором. <…> Что касается выбора Гёте, то он, хотя в Германии есть крупные писатели — Шопенгауэр, Ницше, Гейне, по ряду причин весьма удачен. Гёте занимали многие темы; как философ он несколько разочаровывает: когда Шопенгауэр пытался растолковать ему идеализм, то так ничего и не добился».

1950 год

Февраль. Мать Борхеса говорит со служанкой о загробной

жизни. Служанка: «Конечно, религия говорит про загробную жизнь. Но мы не знаем, какая она. *(С надеждой.)* Вот бы и там была работа…»

Пятница, 15 декабря. Бьой: «Очевидно, реальность обильнее порождает умных женщин, чем женщин красивых. А возможно, всё проще: ум можно культивировать». Борхес: «Но и красоту тоже. Нечасто увидишь красивых женщин в бедных кварталах».

1951 год

Понедельник, 3 сентября. Борхес: «Я всю жизнь оспаривал общепринятые суждения (что Сервантес выше Кеведо, что в романах характеры важнее сюжета, что детектив — жанр второстепенный) — суждения, которых теперь придерживаюсь».

1952 год

Суббота, 5 июля. Борхес читает. Подходит один из племянников и восклицает: «Как?! Бабушка разрешает тебе читать книжки без картинок?»

1954 год

Четверг, 14 января. На прощание Борхес говорит, что если влюблялся по-настоящему, то вовсе не в тех, кто отвечал его вкусам или предрассудкам: «Не в скандинавских полубогинь».

1955 год

Четверг, 27 января. Об американцах Борхес говорит, что они не умеют быть реалистами. Они бывают романтиками, как По, могут быть Мелвиллом, Готорном, Фолкнером, но в роли реалистов они неубедительны и сентиментальны. А если хотят показаться жесткими, как Эрнандес или Аскасуби[12], то неизбежно впадают в плаксивость.

<…>

Говорит, что германцы (скандинавы) не держались за свою культуру; в Нормандии они стали французами, в Англии — англичанами. Англичане продолжают эту традицию: не хотят навязывать свою культуру. <…> Возможно, под влиянием

«Германии» Тацита немцы, почти ничего не знающие о своей мифологии и своем происхождении, цепляются за идею германизма. Это даже трогательно: ставшие полем битвы, на котором сходились все армии мира, перепутьем, мировым борделем, они толкуют о чистоте расы.

Суббота, 30 июля. Говорим о жанре рассказа; американец [один из гостей Бьоя — Джон Грант Копланд[13]] просит дать определение. Бьой: «Упор здесь делается на сюжет; в романе — на персонажей». Борхес: «Рассказ можно пересказать устно; роман же, если вы его не читаете, теряет главное (примеры: Пруст, ‘Путем всея плоти’ Батлера[14]). В рассказе можно изучать отдельного героя; в романе же одни герои влияют на других». Копланд: «Может, это просто вопрос объема?» Бьой: «Не думаю, ведь ‘Дон Кихот’ — это по сути рассказ». Борхес: «Конечно. Груссак[15] пишет, что он задумывался как *назидательная новелла,* то есть как рассказ; потом Сервантес понял, что может писать дальше, отсюда и второй выезд Дон Кихота».

Вторник, 29 ноября. Борхес о Гейне. Сравнивает его с Уайльдом; в Гейне есть что-то от хитроватого еврейского паренька. Вспоминает доводы обращения Гейне в христианство: «Когда я был могучим Вакхом, то насмехался над любым верующим в личного бога. Теперь, став старым евреем, бедным и больным, я нахожу больше утешения в этой вере, которую не способен обосновать, чем в моем юношеском пантеизме». Борхес замечает: «Доводы, хоть и не очень достойные христианства, несомненно, высказаны искренне (искренне и с долей меланхоличной иронии)».

1956 год

Четверг, 16 августа. Борхес уверяет, что Мальеа[16] готовит большой роман под названием «Синдбад», и замечает: «Почему бы не назвать книгу сразу „Улисс“?» Еще рассказывает: «На днях мы в Библиотеке получили письмо от некого господина из Лас-Пальмаса, оно похоже на начало фантастического рассказа. Господин прилагает к письму книгу и учтиво просит передать ее писателю Рикардо Гуиральдесу[17], чей адрес отправителю неизвестен. Когда умер Гуиральдес? Кажется, в 27-м. Господин из Лас-Пальмаса мертв? Или он живет в мире, где обитает Гуиральдес? А мы сами?»

Четверг, 25 октября. Борхес: «Хуану Рамону Хименесу дали Нобелевскую премию». Бьой: «Какой позор…» Борхес: «…для Стокгольма. Сначала Габриэле, теперь Хуану Рамону. Лучше бы

изобретали динамит, чем давали премии». Бьой: «Все же Хуан Рамон много лучше Габриэлы Мистраль. Плохие стихи Хуана Рамона — плохи, но лучшие из них достаточно хороши. Габриэла Мистраль не написала ни одного достаточно хорошего стихотворения».

Суббота, 27 октября. Пейру[18] и Борхес с улыбкой замечают, что все автомобили русского посольства, кроме одного, американские. Борхес: «При всем славянском мистицизме им присуща замечательная практичность. Они понимают, что автомобиль должен служить для передвижения, а потому покупают кадиллаки и шевроле».

Суббота, 10 ноября. Спрашиваю Борхеса, как он считает: надо ли писать статьи как рассказы. Борхес: «Думаю, все должно быть повествованием. Все должно иметь форму рассказа». Сильвина [Окампо][19]: «Как? И стихи тоже?» Борхес: «И стихи тоже. Во всем должна быть ситуация и развязка. Разумеется, в идеале ты можешь задаться целью и написать что-то неповествовательное, но почти наверняка ничего не получится. Чтобы поддерживать у читателя интерес, надо писать статьи как маленькие рассказы». Бьой: «Все-таки мне кажется, что между планом рассказа и планом заметки или статьи есть разница. Рассказ надо завершать самым важным. Начало в рассказе не так существенно; читатель знает, что может чего-то ждать. В заметках и статьях лучшее из того, что у тебя есть, надо давать в первой фразе. Иначе читатель не включится».

Среда, 12 декабря. Борхес: «У Асорина[20] спросили, зачем он дает названия своим театральным пьесам по-английски? ‘И Шекспир так делал’, был ответ».

1957 год

Четверг, 23 мая. «Беда в том, — говорит Хулия Пейру[21] о Маргарите Бунге[22], — что она до того красива, что люди ей верят». Борхес поясняет: «Женщины ошибаются по поводу красоты или уродства других женщин. Подозреваю, у них есть абстрактное представление о красоте женщин — правильные черты лица, цвет кожи и волос, — но они их не чувствуют».

Воскресенье, 26 мая. Борхес по телефону. <…> О биографиях: «Верно подметил Марк Твен: ‘Никто не способен сообщить правду о себе или скрыть ее’».

Вторник, 25 июня. Говорим о Блейке. Борхес: «В Блейке есть что-то очень неприглядное». Бьой: «Это видно в рисунках». Борхес: «И в именах его богов. Что-то немецкое в языке и в

воображении». Бьой: «С примесью детского вздора ‘nursery rhymes’[23]». Борхес: «Видения Сведенборга куда лучше». Добавляет, что в стихах Блейка встречаются нелепости, свойственные XVIII веку: розовые пальцы зари и тому подобное.

Среда, 26 июня. Борхес: «Знаешь, кто, оказывается, был педерастом? Марло. В „Геро и Леандре“ героиню он описывает сдержанно, но, перейдя к описанию героя, теряет голову». Бьой: «Я тоже сделал открытие: роман — жанр для гомиков. Когда принимаешься тщательно описывать героя, чувствуешь себя голубым». Марло был гомосексуалистом сверх меры, как, видимо, многие во времена Шекспира. <…>

Четверг, 18 июля. Борхес хотел, чтобы несколько человек, включая меня, под его руководством написали книгу о том, как англичане видели свое прошлое. Шекспир представлял его кельтским, поскольку Стюарты считали себя потомками короля Артура, республиканцы настаивали на происхождении от саксов: Мильтон не затрагивал тему Круглого стола, а сэр Томас Браун пишет об англосаксонском языке. У Карлейля увлечение саксами достигает апогея. Честертон и Беллок[24] (а до них Мэтью Арнольд?[25]) снова ссылаются на кельтские корни.

Суббота, 20 июля. <…> Сравниваю Лопе и Кеведо. Борхес соглашается, что Лопе писал лучше: «У него есть великолепные сонеты». Утверждает, что у Кеведо можно читать стихотворение за стихотворением и не найти никаких эмоций и задушевности. Гонгора лучше, а Лопе — намного лучше. «Не знаю, как я мог так восхищаться Кеведо», — заключает он.

Борхес: «У Донна есть красивые стихи, но есть и много безобразного. Как надо писать?» Бьой: «Гладко, ровно, гармонично, стараясь установить связь с читателем, не отталкивая его». Борхес: «Так писал Мур[26]. Но посмотри, как скверно он начинал». Бьой: «Эта нелепая манера письма, которой мы грешили в начале, полезна как дисциплина. Она учит избегать промахов. Порой, вероятно, удается найти легкую, без нажима, аллюзию, намек — это дисциплина помогла нам его отыскать. В Библии есть такие фразы: благим намеком они приносят весть. Но написать книгу из таких фраз невозможно». Борхес: «Пожалуй, Стивенсон умеет писать сложными фразами, их сложность незаметна. А Честертон? У него все похоже на игру марионеток». Бьой: «Вступаешь в игру и принимаешь ее. Ничто не нарушает стиль».

<…>

О «Фаусте». Борхес: «Странно, в этой книге не чувствуется зло. В „Макбете“ чувствуется. А в „Фаусте“ нет: просто беседуют два господина. Сцена с Маргаритой довольно слаба: танго avant la

lettre[27]. Странно, что никому, даже немцам, никогда не приходило в голову поставить „Фауста“. Возможно, Рест[28] прав: в немецкой литературе нет фантазии».

<…>

Форньелес[29] собирается прочесть лекцию в Библиотеке. До этого он хочет познакомиться с Борхесом и побывать у него. Бьой: «Неужели жизнь не научила его, что этот визит окажется прежде всего неуместным и безрезультатным. Когда я был в Англии, то не пытался познакомиться ни с одним из восхищавших меня писателей. Если нет общего прошлого, в рамках одной специально устроенной встречи трудно говорить и объясняться». Борхес: «Когда объявили, что Честертон приедет в Буэнос-Айрес, я мечтал его не видеть. Предпочитал и дальше знать его по книгам».

Среда, 24 июля. Борхес отмечает слабую сторону «Потерянного рая» — там фантастический мир придуман наполовину: «Данте вообразил его ярко (правда, ад ярче, нежели рай), и читатель следит за ходом книги с интересом, словно читает фантастический роман. Данте поступает подобно Уэллсу; разумеется, Луна окажется не такой, какой ее описывает Уэллс, но пока работает suspension of disbelief[30], принимаешь все как есть, поскольку вымысел построен связно и последовательно». Бьой: «Странное дело. Когда люди слетают на Луну, книга Уэллса несколько утратит свою силу». Борхес: «В предисловии к „Морскому кладбищу“ в переводе Ибарры[31] я писал: если однажды станет известно, что происходит после смерти, половина литературы и философии сделается ненужной».

Суббота, 7 сентября. Отмечаем любопытную вещь: никто не обратил внимания, что ад Шоу и Сартра позаимствован у Сведенборга. Бьой: «Эсхатология Сведенборга значительно лучше, чем католическая. Гораздо правдоподобнее». Борхес: «Намного лучше, чем эсхатология Данте, где есть только воздаяние и кара. Как мог Данте поместить в ад Паоло и Франческу? Они же благородные люди».

1958 год

Понедельник, 31 марта. Борхес не выносит вальсы. «Глупейшая музыка, — заявляет он. — Хуже всего — венские».

Четверг, 1 мая. Борхес: «Когда ко мне приходят молодые писатели, я советую им не спешить с публикациями. Так они уберегут себя от сочинений, за которые потом пришлось бы краснеть». Бьой: «Все же в публикациях есть и хорошая сторона.

Излечиваешься от тщеславия. Не придаешь такого значения тому, что пишешь, и тому, что пишут о тебе. Ужаснее всего — писатели, которые ничего не печатают, боясь оказаться недостойными того, что от них ждут». <…> Борхес: «Не нужно стремиться к совершенству каждого абзаца, каждой фразы. Стиль получается неестественный. Не хватает воздуха. Так создаются очень напыщенные книги». Бьой: «Надо смириться с тем, что одни книги получаются лучше других. Как говорил Стендаль, кому-то выпадает билет с выигрышным номером, кому-то — нет».

Пятница, 16 мая. Борхес: «Больше не буду читать лекции. Дело это, похоже, пустое… Я отметил, что топография „Божественной комедии“, над которой Данте работал особенно тщательно, с осадой Иерусалима, центром ада, каждым кругом, балконами чистилища и так далее, позволила создать видимость единой конструкции, хотя сама поэма, по сути, состоит из эпизодов. Как работал Данте? ‘Значит так, мне нужен пример чревоугодия, помещаю его в соответствующий круг, пишу биографию; теперь пример корыстолюбия, теперь — сладострастия». По сути — это roman à tiroirs[32]. А что плохого в такой книге? Я его предпочитаю книгам, построенным с помощью сложнейшего сюжета и множества персонажей, которых надо отличать друг от друга. Мне так и не удалось пробиться сквозь «Братьев Карамазовых’; я все пытался разобрать, о ком речь — о Дмитрии или Алеше? Как ты сумел его прочитать — не понимаю. А вот „Дон Кихот“ — не roman a tiroirs: там череда приключений, подтверждающих то же самое. Это как фильм Чаплина или Лорела и Харди[33]. По всей видимости, он оказался тогда бестселлером, и потому культурные люди не принимали его всерьез. Лопе утверждал, что навряд ли отыщется глупец, способный восторгаться Сервантесом. Фраза не означает, что восторженных почитателей не нашлось…»

Суббота, 1 ноября. Борхес: «Недостаток ‘Божественной комедии’ в том, что люди распределяются там по системе воздаяний и наказаний. Понятно, Данте объяснил бы, что это ему потребовалось для создания поэмы; он начал с топографии, но постепенно пришлось довести ее до крайности. Странно, что за это автором восхищаются. В „Дон Кихоте“ дело вроде бы обстоит лучше. — И дальше замечает: — Странно: люди считают, что литераторы — лучшие умы. Литература — это забава, полная условностей, и в один прекрасный день она человечеству надоест. Де Квинси отдает Шекспиру первенство в споре лучших умов. <…> Люди уверены, будто литературные творения изобилуют глубокими мыслями. Как ни удивительно, обманываются и сами писатели, а уж они-то должны знать, что все обстоит куда

скромней».

1959 год

Пятница, 17 апреля. Борхес: «Шоу, когда писал об Ибсене, обычно утверждал: „Здесь он хочет сказать…“ Кто-то спросил: „Откуда вы знаете? Судя по вашим же словам, Ибсен нигде не указывает, что хотел сказать именно это“. Шоу ответил, что он — критик, а задача критика — не повторять сказанное авторами, а раскрывать глубинный смысл написанного».

Воскресенье, 17 мая. Борхес: «Когда писатель умирает, люди думают, что, проживи он дольше, его творчество получило бы развитие. Это не всегда так. Мне было бы совсем неинтересно читать книги, которые Гуиральдес написал бы, если бы не умер прежде времени. Он писал все помпезнее. Другое дело — Эдгар По… Он столько всего излучает… Стивенсон тоже, несомненно, написал бы множество необыкновенных книг». Бьой: «Он умер в сорок с небольшим. Насколько его творчество богаче, чем фолкнеровское. Каждая книга Стивенсона уникальна; Фолкнер написал одну-две книги и множество перепевов». Борхес: «С каждой книгой его недостатки все заметнее».

Понедельник, 1 июня. Борхес: «„Ортега-и-Гассет пишет, что эпика — это жанр, который обращается к прошлым временам и совершенно чужд нашей жизни“[34]. Он хотел сказать — его жизни! Что за убогость воображения. Разве он не видит постоянного присутствия эпического в жизни; как он мог не увидеть его в гражданской войне?!» <…>

Среда, 10 июня. Борхес: «Пастернак мне не интересен. Предпочитаю думать о нем плохо, нежели хорошо».

Пятница, 19 июня. Борхес: «Те, кто спрашивает: ‘Что подумают о нас за границей’, — очень тщеславные люди. Что ты думаешь о политике Суматры? Как трактуешь последние события на Памире?» И так далее.

Среда, 24 июня. О героях «Илиады»: «Они, как аргентинцы, но не из ‘Мартина Фьерро’, а нынешние, которым для драки надо разозлиться. Сначала они бранятся, потом дерутся. Им неведома краткость, как героям саг; в них есть что-то от итальянцев».

Понедельник, 27 июля. Читаем первые страницы «Лолиты» Набокова. Борхес: «Я бы поостерегся читать эту книгу. Пожалуй, она очень вредна для писателя. Чувствуешь, что писать иначе невозможно. Сразу начинаешь обезьянничать перед читателем, фокусничаешь, достаешь цилиндр и кролика, мельтешишь, как Фреголи[35]».

Воскресенье, 23 августа. Борхес: «Важно, не чтобы читатель верил прочитанному, а чтобы он чувствовал, что писатель верит написанному».

Четверг, 27 августа. Борхес: «Всегда мечтал обзавестись ‘Большим Брокгаузом’; это была энциклопедия в двадцати с чем-то томах; сейчас мне попался на глаза ‘Большой Брокгауз’ в двенадцати томах. Наше время ошибается, считая энциклопедии справочным материалом, а не книгами для чтения. Раньше энциклопедия была целой библиотекой, с историей китайской литературы, историей крестовых походов, биографией Мильтона».

Четверг, 3 сентября. Читаем сонеты Гонгоры. <…> Борхес: «Видишь? Лучшие стихи Кеведо написал Гонгора».

Воскресенье, 13 сентября. Кажется, Неруда утверждал, что важно не стихотворение, а все, что вокруг. Борхес *(пародируя):* «Важен не этот нож, а контекст, астрономия. Неужели он не боится, что рано или поздно все увидят: это же всего лишь видимость мысли?»

Понедельник, 14 сентября. Борхес: «Кафка мыслил притчами. Наверняка у него не было иных объяснений для своих рассказов, кроме сказанного в тексте; коротко говоря, его тема — отношения человека с непостижимым богом и космосом. Бог из финала книги Иова, Бог, повелевающий Левиафану, — вот бог Кафки, бог совершенно непостижимый… Мой отец говорил, что есть люди, например гаучо, способные мыслить лишь образами, и что знаменитые притчи из Евангелия доказывают: Христос был одним из таких людей. <…>. Он говорил образами, поскольку мог мыслить только образами».

Воскресенье, 27 сентября. Борхес: «Кафка изобрел совершенно новый вид повествования, но в отличие от всех изобретателей-предшественников умел использовать свое изобретение с необыкновенной расчетливостью и проницательностью, сведя элементы к минимуму. Эта простота композиций — одна из его главных заслуг». <…> Бьой: «Если сравнить Джойса с Кафкой, Джойс предстает этаким Бретоном или Тцара[36]». Борхес: «У Джойса есть очень красивые фразы». Бьой: «Достоинства Джойса — в таланте слова и риторических способностях, которые поднимают его до высот подлинного красноречия; а недостатки в том, что он недалек и не способен выстроить произведение. Кафка — необыкновенное существо (не только как писатель, но и как человек). Сочинения Кафки интересны человеку; сочинения Джойса — стилисту. Джойс — это своего рода Кеведо».

Понедельник, 28 сентября. Борхес: «По-моему, Ките лучше

Шелли: он считал себя невеждой, говорил, что ничего не читал». Вспоминаем нападки Де Квинси на Китса, его hoofs[37], попирающие язык, любовь Китса к ужасным словам. Китс и Шелли показались современникам столь приторными, что их приняли за педиков. Борхес: «Поколение Кольриджа, Де Квинси и Водсворта лучше поколения Шелли, Китса и Байрона; однако у публики знамениты именно эти последние. Байрон из них менее плох… Нет, у Китса стихи лучше, и он стоит отдельно, намного выше Байрона и Шелли, но Байрон писал в более классической манере. Байрон гораздо выше Шелли: за ‘Дон Жуаном’ ощущается необыкновенная легкость и, может, не столь возвышенная, но необычайная сила; а за многословными, windy, поэмами Шелли — ничего. Удача Шелли в том, что обычные люди, понятия не имеющие о литературе, считают его поэтом. Байрону тоже выпало такое счастье, но его звезда уже закатилась. Суинберн же, будучи намного лучше Шелли и Китса, неизвестен за пределами мира литературы».

Понедельник, 5 октября. <…> Говорим о жизни Аполлония Тианского, описанной Филостратом[38]. Борхес: «Вот думаешь, что книг, подобных ‘Тысяче и одной ночи’ должно быть много, а их нет. Хорошие книги должны появляться в конце литератур: это дистилляция множества предшествующих книг, многих литератур. Вероятно, понадобилось немало книг о путешествиях, чтобы появился ‘Синдбад’».

Понедельник, 12 октября. Борхес: «Вот я писал рассказ о ронинах[39] очень тщательно, а Эмита[40] выловила у меня тридцать три ошибки. Ошибаешься там, где никогда и не подумаешь: герой ложится в постель, но оказывается, что постели нет; измажешь кровью простыню, а простыни, оказывается, тоже не существует».

Четверг, 15 октября. По поводу «Войны и мира» Борхес замечает, что неверно начинать роман большим праздником с большим числом персонажей, которых читатель должен индивидуально распознать: «Зачем Толстой так нагружает читателя, заставляя отождествлять каждого? Есть же замечательный ход: ‘Жил некогда человек’, — почему им не воспользоваться?»

Воскресенье, 25 октября. Пытаемся читать «Гаргантюа»; не получается. Борхес: «Книга Рабле не для читателей, а для комментаторов. Сначала я старался ее полюбить, а потом понял, что даже спать не хочу с ней в одной комнате. <…> Она — отрицание всего французского».

Воскресенье, 8 ноября. Завтра Борхес читает лекцию о Шиллере: «Очень любопытно узнать, что же я буду говорить.

Ничего в голову не идет».

Пятница, 13 ноября. Борхес: «Хорошеє произведение узнаешь, даже читая в плохом переводе, ведь что-то обязательно остается. Хорошую вещь всегда можно перевести. А непереводимые вещи не так важны: это игрушки, они служат для удовольствия…»

Вторник, 17 ноября. Борхес: «Реализмом называется все жестокое, порочное, эсхатологическое. Господа, в какой реальности вы живете? В моей ничего такого не происходит».

Вторник, 22 декабря. Борхес рассказывает, что в самые страшные моменты гражданской войны в Мадриде Хемингуэй в шутку написал на двери номера Уолдо Фрэнка[41] «фашист». Эта шутка могла стоить Фрэнку жизни. Испанский коммунист-писатель, стерший надпись, поведал об этом Борхесу и добавил, что Хемингуэй был скверным типом. Борхес: «Это видно по его книгам. Если он так восхищается злодеями, то наверное и сам злодей».

Борхес: «Если бы Франция дала миру только Рабле, Леона Блуа и Гюго, она бы славилась гениями; но поскольку там попадались и правильные писатели, считается, что Франция неспособна производить гениев».

1960 год

Суббота, 2 января. Борхес: «У кого всемирная — и загадочная — слава, так это у Гёте. Он не только великий поэт; он мудрец, своего рода Конфуций или Будда. Французские и английские стихи у Гёте очень плохие. В Гёте было что-то провинциальное. Une sorte de Voltaire sans esprit[42], хотя характер у него тоже не подарок… Наверняка в его личности было что-то очень мощное, не дошедшее до книг: все, знавшие его, считали его гением».

<…>

Борхес вспоминает, что Гейне высоко ценил блистательные фразы Гёте, в которых, словно в парадной карете с эскортом, следовал единственный персонаж — одна-единственная идея. Цитирует фразу Гейне: «Я умолял Бога превратить меня в греческое божество, и вот умираю старым евреем».

Среда, 6 апреля. Борхес: «Нужно писать книги, и отговорки тут неуместны. Бессмысленно говорить, что вот, мол, то помешало или это. Пиши то, что должен писать. Это единственный долг; долг, от которого отговорками не отделаешься».

Четверг, 7 апреля. Говорим о «Shadow line»[43]. Борхес: «Начало выглядит абсолютно естественно. Фразы у Конрада четкие, ясные, он сразу устанавливает с читателем доверительные отношения. Такой способ входить в тему кажется менее оригинальным, чем у Генри Джеймса или Фолкнера. Возможно, такая естественность вредит Конраду: в конечном счете, это не его личная манера, не он ее придумал, это то, что делают все, но доведенное до совершенства. А у Джеймса или Фолкнера есть собственная манера, которую не спутаешь с другой, это их личное изобретение, чем и кормятся критики».

Понедельник, 2 мая. Борхес о человеческом безумии: «Критики считают, будто экспериментальную литературу создает Маринетти, а не Конрад».

Четверг, 12 мая. Борхес, прочитав предисловие Сэмюэла Джонсона к «Словарю»: «Замечательная вещь. Как Джонсон сознавал, что все приходит в забвение, как видел себя безумцем! Надо видеть себя безумцем. Жизнь каждого, каждый день нашей жизни гораздо необычнее, чем ‘Одиссея’. Это такая узенькая дорожка, составленная из повторов памяти… До работы над ‘Словарем’ Джонсон мечтал о чудесных удовольствиях, которые его ожидают, когда он припадет к источникам мудрости… Затем, когда это стало реальностью, труд обернулся для него бременем — искать цитаты из классиков, находившихся под рукой…»

Воскресенье, 15 мая. Борхес говорит об этимологиях: «Любопытно: в слове ‘grammatical’ тот же корень, что и в ‘glamorous’. Грамматика и мага не различали».

Суббота, 2 июля. Борхес: «<…> Возможно, поэты или писатели, выбранные странами, чтобы их представлять, не похожи на то, какими мы видим людей этой страны. Гёте был нечувствителен к музыке и неспособен к абстрактному мышлению: он заявлял, что чтение Канта ничего ему не дало. <…> Шекспир с его безответственным витийством смахивает на двуликого итальянского еврея, но никак не похож на англичанина. Никакой understatement [сдержанности], никакой английской страстной любви к морю: он был бы теперь перонистом[44]. Сервантес похож на испанца меньше, чем мрачный, фанатичный Кеведо. Данте не соответствует привычному образу итальянца. Кто самый что ни на есть англичанин? Сэмюэл Батлер, Джонсон, Вордсворт, пожалуй. Люди считают слабостью французов отсутствие писателя, стоящего выше прочих, этакого Шекспира, Данте, Сервантеса. А французы просто не захотели выделять такого, посчитали, пусть их будет много. Захоти они кого-то выбрать, затруднений бы не было».

Воскресенье, 3 июля. Борхес: «Все восхищаются Теннесси

Уильямсом, Сарояном, этим кретином Беккетом с его ‘En attendant Godot’ [‘В ожидании Годо’]. Как ни странно, Шоу прошел почти незамеченным для всех, кроме разве что швейцарца Дюрренматта».

Суббота, 9 июля. Борхес: «Механизм ‘Тысячи и одной ночи’ построен на заблуждении. Никто не желает слушать сказки. Султан не хотел, чтобы Шахерезада рассказывала ему сказки; наверняка он сам ей их рассказывал».

Среда, 17 августа. Борхес: «Думаю, это недостаток, а может, и достоинство, такое трудно определить с ходу, — привычка Сервантеса показывать нам, как окружающие расхваливают все, что делают или говорят Дон Кихот и Санчо. Этот метод применяется в кино: как только появляется главный актер, играя на чем-нибудь или исполняя песню, все остальные замирают, слушают, а затем аплодируют. Поскольку все персонажи созданы автором, выходит, что аплодисменты адресованы самому себе. Дон Кихот и Санчо выступают на протяжении всей книги как *звезды*».

Понедельник, 22 августа. Борхес: «С каждым годом спишь все меньше. Как это грустно. — Затем добавляет: — Человек, страдающий бессонницей, чувствует себя виноватым и противен всем остальным».

Суббота, 27 августа. Борхес замечает *(читая заглавие)*: ‘«Университетская культура’ — оксюморон».

Понедельник, 29 августа. Борхес говорит, что музыка Стравинского необыкновенна (в смысле — *превосходна*), она звучит так странно, как джаз, так весело. «Но Стравинскому об этом лучше не говорить, — добавляет он. — Скорее, его музыка выражает всю печаль современного мира».

Пятница, 16 сентября. Борхес говорит, что еще Маседонио Фернандес заметил: множество повседневных действий не остается в памяти. Например, процесс одевания: «По словам Маседонио, единственным подтверждением того, что мы одевались, является факт, что мы одеты».

Пятница, 25 ноября. Говорим о «Золотом осле», которого я читаю в переводе Грейвса[45]. Борхес: «Столько всего вышло из этой книги… Из нее родился фантастический роман, плутовской роман».

Понедельник, 28 ноября. Борхес: «Чтобы воспевать море, не нужно никаких специальных знаний, не требуется разбираться в кораблях и мореплавании, как Киплинг, или в ихтиологии. Поэту даже не надо лезть в море, а то еще утонет».

Среда, 7 декабря. Борхес: «Художники не говорят уничижительно: ‘Это чистая живопись’, равно как и скульпторы с

архитекторами: ‘Это чистая скульптура или чистая архитектура’. А вот писатели заявляют: ‘Это все чистая литература’ или ‘Все остальное — литература…’»[46]

1961 год

Воскресенье, 1 января. Бьой: «Сантаяна говорит, что ‘happiness is the only sanction of life’[47]». Борхес: «Лучше достойная печаль, чем идиотская радость».

Вторник, 13 июня. Борхес: «Маседонио сказал одному зануде: ‘Если вы ждете трамвай, не обязательно ждать его у меня дома’».

Суббота, 15 июля. Борхес дарит мне экземпляр «Новой английской Библии»[48]. <…> Читаю ему в Четвероевангелии эпизоды с Пилатом и распятием. Борхес: «Я уверен, что все это правда. Я не про чудеса, разумеется… Но кто мог бы такое придумать? Не какой-то невежественный ученик. Какой романист мог бы написать лучше разговор Христа и Пилата, иудея и римлянина? Каждый обретается в своем мире, говорит в crosspurposes[49], и никто не прибегает к костюмированным глупостям, к дотошным выдумкам в стиле Вальтера Скотта или Флобера. Различие дано изнутри. А что может быть лучше сна жены Пилата, умывания рук, доброго разбойника, ‘Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?’? При чтении эти эпизоды снова и снова берут за живое; они волнуют в любой редакции».

Четверг, 27 июля. Борхес говорит, что великим открытием Гитлера, великим открытием политиков, вопреки тому что пытался доказать Достоевский, стало то, что у людей нет частной жизни: «У людей нет возлюбленных, они не садятся за книгу, не хотят выкроить часок, чтобы поспать после обеда, но они всегда готовы к церемониям, массовым актам, парадам и проч.».

Четверг, 3 августа. Бьой: «Раньше я не решался выбрасывать книги с дарственными надписями, но ясно же, что нельзя без конца забивать дом ненужными вещами». Борхес: «Надо вырывать страничку с посвящением». Бьой: «Ах, черт! Рука как-то не поднималась. А потом они появляются в книжных лавках, и люди думают, что ты их продал». Борхес: «Или возвращаются к тебе домой. Как-то утром я выкинул целую кучу в металлическую корзину в подземке, а после обеда очень застенчивый и очень бедный паренек явился ко мне домой с этими книгами. Я дал ему пять песо и поблагодарил, но не отважился попросить, чтобы он унес их снова».

Пятница, 1 сентября. Борхес: «Ни один писатель не

застрахован от написания плохих книг. Зачастую весь секрет в интонации: если удается подыскать подходящую интонацию, роман или рассказ получаются хорошие, даже если сюжет не ахти. И напротив, неверная интонация может загубить самый лучший сюжет. ‘Персилес и Сихизмунда’[50] — книга, обреченная с первой фразы, она очень плохо начинается. А вот ‘Дон Кихот’ начинается хорошо: ‘В некоем селе Ламанчском…’ и т. д. Сервантесу явно нравились авантюрные книги. Подобно Дон Кихоту, он готов был провести жизнь за чтением рыцарских романов. Но прислушался к голосу разума и осудил их в ‘Дон Кихоте’, а затем уже со спокойной совестью поддался искушению и занялся тем, что ему действительно нравилось: написал ‘Персилеса’».

Четверг, 7 сентября. Борхес: «Как человек Лорка показался мне очень неприятным. Как поэт…»

Пятница, 3 ноября. Согласно письму Борхеса, на углу евангелистской церкви Остина написано: «No fire like passion; no shark like greed»[51].

1962 год

Пятница, 6 апреля. Говорим об американском сленге. Борхес отмечает: «Изначально (к 1870 году) ‘jazz’ означал половой акт, или глагол совокупляться’: ‘he jazzed her’; затем суматошное движение, и, наконец, — музыку».

Четверг, 12 апреля. Борхес: «‘Кантос’ Эзры Паунда начинаются переводом трех или четырех страниц песни одиннадцатой ‘Одиссеи’. Какого эффекта он добивается? Ироничного?»

Среда, 23 мая. Борхес: «По мнению Шопенгауэра, есть три категории писателей. Худшие — кто никогда не думает; затем те, кто думает, когда пишет, и, наконец, те, кто думает, прежде чем написать. Шопенгауэр считает, что последние лучше всех. В отношении философских очерков он прав, но в рассказах и в поэзии лучше, если писатель думает по ходу дела, а не пишет под диктовку памяти. Хотя стихи Честертона великолепны, они страдают этим недостатком. При всех удачных пассажах видно, что Честертон следует заранее придуманной схеме».

Четверг, 24 мая. Борхес: «В ‘Святилище’ стиль Фолкнера больше соответствует сюжету, чем в других книгах. Фолкнер — единственный хороший шекспировский писатель нашего времени, в смысле напряженности и великолепной, выразительной фразы». Бьой: «А Конрад?» Борхес: «Нет, у Конрада много ‘fine writing’[52],

но нет шекспировской напряженности, подобной растущему приливу. Сам я предпочитаю Конрада, думаю, Конрад выше как писатель, но, если бы шекспировский характер считался высшим литературным достоинством, Фолкнер стал бы величайшим писателем наших дней». Ищем еще. Борхес: «Может, Гюго». Бьой: «Отдельные абзацы Джойса, хотя там всегда есть некий ироничный фон, снижающий напряженность». Борхес: «Наверняка Джойс повлиял на Фолкнера». Бьой: «Я мало знаю Д'Аннунцио». Борхес: «Д'Аннунцио скорее напоминает Ларрету[53] или худшее из Уайльда. Чтобы казаться утонченным, он увлекается сложностями и красивыми штучками». Бьой: «Этим грешит Гюисманс, в 'Наоборот'. Пожалуй, еще Баррес»[54]. Борхес: «А как с напряженностью у Барбюса?» Соглашаемся с Джорджем Муром в том, что нелегко писать во весь голос и удачно.

Четверг, 31 мая. Борхес: «Стране ни к чему тратить огромные суммы на культуру». Бьой: «Раз надо тратить на все остальное, то они считают, что, если не тратить и на культуру, — значит ее недооценивать». Борхес: «Может, книги, школы, даже университеты — это органы культуры, но я убежден, что от лекций, конгрессов, грантов мало толку. Если человеку интересна тема, вы не помешаете ему говорить о ней. Я прочитал множество лекций безвозмездно. Не думаю, что они были хуже платных».

Четверг, 14 июня. Борхес: «Недостаток Мильтона в том, что он пишет о первозданном мире, о творении языком, перегруженным более поздними понятиями человека XVII века, который знаком с Грецией, Римом, Израилем и начатками наук. Шекспир тоже об этом не заботился, но для него это не так важно».

Четверг, 21 июня. Борхес говорит: «Слава Шекспира поражает. В конце концов, кажется невероятным, что он нравится такому количеству людей, не очень чутких к слову. Своего рода гонгоризм. Он, видимо, не считал себя писателем. Писал потому, что были под рукой актеры и театр и возможность зарабатывать деньги».

Борхес: «Мы, писатели, сначала воюем с традицией и классиками, а затем, вкупе с нашей войной, становимся частью традиции. Поэтому позднее мы несколько примиряемся с ситуацией. Теперь молодые писатели это обнаружили, они пишут и действуют с оглядкой на историю литературы. А поскольку все подражают Франции, в изобилии возникают литературные движения, авторы распределяются по поколениям и так далее».

Пятница, 10 августа. Борхес говорит об умершем вчера Германе Гессе: «В 'Паломничестве в страну Востока', в 'Игре в бисер', возможно, и найдется какая-нибудь любопытная идея, но

исполнение неудовлетворительное. ‘Степной волк’ написан кое-как. Эти вещи Гессе или Чарльза Моргана[55], намеренно напоминающие XVIII век, дарят читателям надежду, что им наконец попадется великая книга, та самая великая книга… В литературе рано или поздно срывают маску с любого. Придет время, когда фальшь Германа Гессе и Чарльза Моргана откроется. Гессе нравилась „педагогическая провинция“, о которой писал Гёте[56]. Писатель, не замечающий, что слово ‘педагогическая’ обдает ушатом холодной воды, видимо, не отличается слухом…»

Вторник, 9 октября. Борхес: «Мадарьяга[57] говорил, что коммунистические диктатуры наших дней хуже инквизиции, поскольку последняя позволяла творить великим сатирикам, таким как Кеведо. Вообще-то Кеведо — сатирик весьма странный. Он особо не рисковал: в Испании высмеивал французов, королей Англии… Держался safe side[58]. Он хоть раз высказался против королей Испании, против католической религии? Высмеивать толстяков, рогоносцев, портных, лекарей — значит не высмеивать никого».

Воскресенье, 14 октября. Борхес: «Как мог такой человек, как Джойс, с его даром слова, не понять, что ему противопоказано писать романы. Поскорее бы прошла слава Джойса, ведь это просто беда: она оболванивает писателей и даже толкает их к прискорбному подражательству. Часто я не могу вести разговор из-за похвал, расточаемых собеседниками в адрес ‘Улисса’ и ‘Финнегана’, и особенно из-за их спокойной уверенности в том, что я разделяю их энтузиазм…»

Борхес: «Утверждение французских романистов Роб-Грийе и Бюгора о моем влиянии на них не имеет смысла. Как я мог оказать влияние на эти длиннющие книги?»

Воскресенье, 4 ноября. Борхес: «Коммунизм предлагает ад и сулит рай. Капитализм уверяет, что, дабы не скатиться в коммунистический ад, нужно по-прежнему вести всегдашнюю суровую жизнь. Люди, естественно, предпочитают коммунизм».

Пятница, 30 ноября. Борхес: «Идея Империи — чисто латинская: римляне, испанцы, Наполеон создавали империи. Германцы, напротив, так ее и не поняли: викинги могли стать властителями мира, но предпочитали освобождать завоеванные города и требовать выкуп, за что их и ненавидели. Англичане владели своей огромной империей не без стыдливости. Киплинга, посвятившего жизнь прославлению имперской идеи, покарали незаслуженным забвением. С истовостью неофитов немцы усвоили идею Империи, но не сумели воплотить ее в жизнь: их ненавидели всюду, где бы они ни оказались. Теперь у американцев есть все для утверждения империи, но они

старательно ее отвергают и насаждают торговый империализм, который всем опротивел, так как никто его не понимает (все понимают лишь силу оружия)».

1963 год

Среда, 5 июня. Борхес: «Лучший Лорка — тот, что пишет андалузские и цыганские поэмы. Когда он возомнил, что может писать все что угодно, когда он написал верлибром ‘Поэта в Нью-Йорке’, получились ужасные стихи». <…>

Читаем стихи Неруды и Паса. Пасовские, пусть порой неказистые и не без глупостей, явно лучше. Борхес: «В ‘Оде Лорке’ Неруда в конце говорит о своей тоске мужественного мужчины[59]. Он пишет о нежном цветке и боится, что его заподозрят: вот ведь беда. Несравненно лучше стихотворение Мачадо на смерть Лорки[60]: тут чувствуется настоящее вдохновение».

Воскресенье, 9 июня. Беседуем о По. Борхес: «Самое трудное в литературе — это роскошь. Всякое золото на письме становится жестью; всякое сокровище — хламом. По потерпел крах, Гюисманс тоже…»

Понедельник, 10 июня. Борхес говорит, что малые народы обречены впадать в национализм. Бьой: «Конечно, аргентинцы не были националистами, пока собирались стать великой нацией. А теперь мы нация второго порядка, и у нас полно националистов». Борхес: «Да, мы утратили надежду стать великой нацией. Шотландцы и ирландцы — националисты; англичане — нет. Все евреи — националисты».

Воскресенье, 14 июля. Борхес: «Странная у нас ситуация: пишем на языке, нам неприятном; наш стиль складывается из пропусков; мы избегаем слов, которые нам противны. А потом какой-нибудь испанец с удивлением отмечает скудость нашего словаря. Только для писателя, который не чувствует себя в языке, как дома, подобно Конраду, стиль — это инструмент». «На днях, в статье ‘Times Literary Supplement’ о Кафке я прочитал, что ситуация чешских евреев, писавших на немецком языке, была похожа на нашу; даже для Гейне (то есть и для немецких евреев) ситуация была более-менее сходной».

Суббота, 17 августа. Борхес: «О дружбе, одной из лучших тем в литературе, уже нельзя писать, так как она внушает мысль о педерастии. Что за гнусные люди… Все опошлят».

Вторник, 24 сентября. Спрашиваю, правда ли, что ему больше нравится писать рассказы, а не эссе. Борхес: «Да, если

только не привносишь в эссе что-то от рассказа».

Суббота, 28 сентября. У нас дома обедают Борхес и Пейру. Сильвина при поддержке Пейру доказывает, что писателям надо лучше платить. Борхес так не считает: «Литературы в мире и так достаточно. Зачем поощрять избыток? Людям нужно больше еды, одежды, мебели, а не стихов. Хорошее вознаграждение поощряет плохую литературу. Я поддерживаю мнение иудеев о том, что человеку необходимо занятие — плотника, кузнеца, какое угодно, а если у вас к тому же есть что сказать — пишите».

Затем говорим об ангажированной литературе. Я замечаю, что вечно забываю смысл этого словосочетания, и подозреваю, что должен держаться подальше от постоянного соблазна — путать его с тем, что практикуется в России. Борхес: «Нет. Ангажированная литература подразумевает свободу автора, свободу неизменно защищать конкретную политическую партию, религию. Однако в России царит полная свобода, чтобы примкнуть к одному лагерю, но никак не к другому. Никто не создает ангажированную литературу в пользу плутократии. Разве что в пользу католицизма… Будь я христианином, стал бы протестантом. Не приверженцем Church of England, нет: пресвитерианцем, Church of Scotland, это церковь без епископов, вполне абстрактная».

Четверг, 3 октября. Борхес: «Я сегодня узнал об Оксфорде кое-что, оправдывающее англофильство. Не знаю уж, в каком College есть War Memorial, мраморная доска с именами студентов, павших на войне. Так вот, поскольку среди них были немцы, которые погибли, сражаясь против Англии, их имена записаны там, напротив остальных: они ведь студенты колледжа, которые погибли на войне, сражаясь за свою родину. Не думаю, чтобы немцы сделали подобное. Помнишь? Гитлер стер имена евреев, которые погибли в Первую мировую, сражаясь за Германию. Да и французы так бы не поступили. Ну а про нас и говорить нечего».

Среда, 23 октября. Продолжаем работать с Борхесом над рассказом о Бонавене. Я замечаю, что, когда грустишь, пишется лучше. Борхес: «Пожалуй, просто человек больше заряжен. В конце концов, тихое счастье несколько тривиально». Бьой: «Когда ты счастлив, уступаешь лени. В грусти не так; ты ищешь прибежища в работе, не хочешь из работы выходить». Борхес: «Об этом пишет Киплинг. Работа спасает тебя вопреки тебе самому».

Вторник, 31 декабря. Борхес: «Если любовь не приносит счастья, она ни в коем случае не должна становиться источником несчастья».

1964 год

Вторник, 18 февраля. В Мар-дель-Плата. В половине седьмого утра приезжают Борхес и Мария Эстер Васкес[61]. Мы с Борхесом немного прогуливаемся по округе. Он говорит: «Кажется, дело обстоит очень хорошо. Если все так пойдет и дальше, мы поженимся в этом году. Знаешь, у меня было немало проблем. В общем, я себе всякое воображал. Все это исчезло. Я мог бы жить нормально».

Слушаем диски с джазом. Борхес замечает: «Странный они народ, американцы. В других странах поют об обычных ситуациях. У них не так. Точно неизвестно, о чем поется, да и музыка вроде не соответствует словам. Под веселую музыку человек говорит о самых грустных вещах… о грустном говорится застенчиво. И надо же, они придумывают миллион сочетаний звуков, манер пения, новых стилей… Одни не похожи на другие. Может, мы зря занимаемся писательством? Единственная стоящая вещь — это музыка».

Четверг, 16 апреля. Борхес: «Как мог выглядеть диалог с Вергилием? Найти с ним общий язык оказалось бы непросто, ведь он считал бы само собой разумеющимися столько аллюзий, для тебя непонятных. Тоже с Гомером или Гесиодом. Да и с самим Шекспиром. С писателями XVIII века, напротив, проблем не было бы. Хосе Эрнандес показался бы нам испанским сеньором? Не думаю. Скорее Сан-Мартин[62]. Мы сами говорим иначе, чем тридцать лет назад».

Пятница, 10 июля. Бьой: «Для аргентинца писать — значит бежать от одного слова к другому. Мы вынуждены прибегать к синонимам, и стиль получается нарочитым». Борхес: «А Гонгора и Кеведо — разве не так писали? Разве они тоже не бежали? Разве они не укрывались в латинских словах? Возможно, всякий литературный язык, всякий литературный стиль таков. Испанцы пишут с большим комфортом. Более непринужденно. Они чувствуют себя в языке свободно».

Среда, 16 декабря. Читаю Борхесу копию протокола суда над Иосифом Бродским, поэтом-переводчиком, осужденным за тунеядство в Ленинграде: мол, мало работал и недостаточно зарабатывал. Борхес: «Обвиняемый тоже вносит свою долю кафкианства: он похож на обвинителей, сам погружен в этот мир. Понятно, не будь этого, его бы просто убили». Бьой: «Судья ведет себя как прокурор. Конечно, там судья не может держаться беспристрастно: это было бы подозрительно». <…> Замечаю: «Когда его в чем-то обвиняют, а он ссылается на пример известного писателя, на него нападают за то, что он посмел сравнивать себя с великими. Даже не знаешь, как несчастному отбиваться».

Вторник, 22 декабря. Борхес: «Похоже, власти Восточного Берлина подражают Кубе. В Берлине, как и на Кубе, дети из буржуазных семей не могут учиться дальше средней школы; а дети рабочих, напротив, обучаются в университетах. Вот неразумные: не понимают, что так они сохраняют деление на классы, классовые различия. Завтрашние буржуа будут хвастаться праправнуком-попрошайкой. Я полагал, коммунисты гордятся тем, что обеспечивают равноправие для всех людей. [Мой племянник] Луис говорил, что ни одно правительство не думает о завтрашнем дне, они озабочены лишь сиюминутным эффектом своих действий». Бьой: «Эти люди не думают о будущем, они его лепят, но посмотрите — как! Люди считают, что нельзя воздействовать на развитие общества декретами. Это неправда». Борхес: «Меня всегда поражало, что в русских фильмах бедняки показаны красивыми, смелыми, умными, а богачи — подонками. Я полагал, что они считают бедность бедой; похоже, что нет: это лучшее состояние для человека. Но люди так не думают».

1965 год

Вторник, 11 мая. Борхес: «<…> Сервантес постоянно изобретал сложные, трудоемкие бессмыслицы. Пасторальные новеллки, вставленные в ‘Дон Кихота’, доказывают, что Сервантес не верил в свой роман. Или что ему надоели Дон Кихот и Санчо. Его увлекал другой вид повествования, более сложный и абсурдный. Видимо, ему занятнее было писать ‘Персилеса’, а не ‘Дон Кихота’. В Перу мне сказали: ‘Есть испанские писатели, но нет испанской литературы’. Думаю, это правда: в Испании хорошие книги не дали потомства. Какая школа родилась из ‘Дон Кихота’? Он оказался бесплодным. Этаким мулом».

Понедельник, 19 июля. Борхес говорит, что, когда в Колумбии его попросили дать совет молодежи, готовящейся взяться за литературный труд, он порекомендовал: «Читать только то, что нравится. В рамках того, что нравится, отдавать предпочтение классическим авторам или, по меньшей мере, тем, кто писал в иные эпохи. Избегать испанских классиков. Читать переводы: возможно, они плохи по части стиля, но, вполне вероятно, хороши по части мысли. В переводах читателю важно знать, кем восторгаться. Если перевод в стихах, не исключено, что человек думает, будто восхищается Пиндаром, а на деле он восхищается Родольфо Пугой[63]. Поэтому лучше переводить прозой».

Пятница, 30 июля. Маргарита Бунге сказала Борхесу:

«Неруда смалодушничал. Зная, что ты приедешь в Чили, он уехал в деревню, чтобы не встречаться с тобой». Борхес: «Поступив так, он повел себя по-джентльменски. Он коммунист и знает, что я антикоммунист; оба мы претендуем на Нобелевскую премию. Его обязательно спросят о моей кандидатуре: выступать с нападками на нее — грубо, приветствовать — неискренне. Вероятнее всего, каждый попытается топить другого с помощью dump praise[64]. (*Пауза.)* Однако не думаю, что именно мой приезд заставил его отправиться в деревню. Наверняка возникло что-то другое, не имевшее ни малейшей связи со мной».

Вторник, 19 октября. Борхес: «Думаю, нет никого выше Данте. Шекспир, по-моему, несколько безответствен, чтобы возносить его на такую высоту. Не думаю, чтобы он был способен выстроить нечто подобное ‘Божественной комедии’. Он был наделен красноречием, достоинствами, но их достаточно и у Данте». Сильвина: «А сонеты? Они прекрасны, хотя тебе и не нравятся». Борхес: «И у Данте они неплохие. У Шекспира тема сонетов очень уж странная…» <…> Бьой: «Ты ставишь ‘Божественную комедию’ превыше всего?» Борхес: «В литературном плане выше нее только Евангелия. Пожалуй, Гомер — великий писатель, но он несравним с Данте и авторами Евангелий. Есть хоть один по-настоящему эпический момент во всей ‘Илиаде’? По-моему, нет». <…> Я ему говорю, что из Плутарха и Монтеня выбираю Плутарха; по-моему, он богаче и увлекательнее. Борхес соглашается.

Понедельник, 1 ноября. Борхес говорит, что немцы ненавидят евреев, поскольку узнают в них собственные недостатки: «Они очень похожи. Раболепны, но при этом деспотичны, если чувствуют себя хозяевами положения. И потом, еще бы им не беситься, раз евреи умнее».

1967 год

Вторник, 3 января. Борхес: «История — вещь настолько загадочная, что задаешься вопросом: а не лучше было бы, если бы войну выиграли немцы? Они поделили бы мир, как того хотели, между Германией и Англией. Коммунизма не было бы. Да и нацизма тоже: после победы нацизм прошел бы, как болезнь». Бьой: «Сомневаюсь. И не верю в долговечность этого идиллического раздела». Борхес: «Я тоже. Но как изумились бы те, кто мечтал о коммунизме как о благородном учении, как о рациональном порядке, когда им показали бы диктаторов, тайную полицию, концлагеря». Бьой: «Авторы идеи фаланстеров». Борхес:

«Фурье, Оуэн».

Понедельник, 15 мая. Борхес говорит, что вначале он был сторонником русской революции и что русские фильмы о революции заронили в нем первые сомнения. Борхес: «В них совершенно отсутствовало великодушие по отношению к побежденным. Сквозила жуткая низость… Честертон утверждает, что объявлять о полной победе невозможно; во всякой победе должно быть некое поражение». Говорим об «Александре Невском». Борхес: «Он так тебя и не воодушевил?» Бьой: «Ни капли». Борхес: «Ибарра говорил, что он похож на отечественные фильмы. Ну а атака псов-рыцарей?» Бьой: «Атака еще куда ни шло, но сама битва — просто катастрофа. Удары постановочные, как в театре, с деревянными или картонными мечами, и еще угадывались отверстия в спинах лошадей, чтобы рыцарь пролезал и ходил своими ногами. А что ты скажешь о буржуях-купцах и их алчных взглядах?» Борхес: «Было сказано, что фильм должны понимать неграмотные мужики». Бьой: «И это шедевр? Нет. Это фильм для неграмотных мужиков. К тому же битва и фильм не реалистичны, так как халтурны. Они стремились к реализму и потерпели неудачу». Борхес: «Хуже всего оказался ‘Броненосец Потемкин’».

Воскресенье, 11 июня. Говорим о войне между арабами и израильтянами. Борхес отмечает, что все стихийно становятся на сторону варварства, против цивилизации: «Что за мерзость. Они очарованы подлостью. Вспыхни война между швейцарцами и саамами, все стали бы на сторону саамов. В войне между варварской страной и цивилизованной, даже если правота на стороне варваров, следует желать победы цивилизованной нации для блага всего мира. Это просто удача, что испанцы, англичане и французы завоевали Америку, а не краснокожие и индейцы из пампасов захватили Европу. В этой войне между арабами и евреями все перонисты и коммунисты, руководствуясь безошибочным чутьем, выбрали худшую сторону, сторону зловещую. Разумеется, нынешние арабы — это совсем не те, что возводили Альгамбру. Да и египтяне — вовсе не египтяне времен фараонов и пирамид: это кочевники, одолевшие египтян; люди Омара, которые сожгли Библиотеку и снесли бы пирамиды, будь им это под силу. Это все равно что жильцов, сменявших друг друга в одном доме, называть одинаково».

Пятница, 28 июля. Составляем списки любимых — не обязательно замечательных — писателей, и сходимся на Джонсоне, Де Квинси, Стивенсоне, Гейне, фра Луисе де Леоне, Эсаде Кейроше[65]. Когда я называю Кафку и Пруста, Борхес не отрицает и не утверждает. Добавляет Монтеня (я соглашаюсь) и

спрашивает, не слишком ли тщеславен вариант Уайльда. Бьой: «Пока его не знаешь, любишь; не уверен, останется ли он столь любимым, когда его узнаешь». О Джонсоне, Де Квинси, Стивенсоне Борхес замечает: «К тому же они были хорошими людьми».

Воскресенье, 30 июля. Борхес отмечает, что слова «per-donare», «perdonar», «pardonner», «forgive» и даже соответствующие слова в немецком и англосаксонском языках несут в себе идею дара, дарения: «Идея прощения пришла к германцам из Рима. У них было понятие кары и мщения, но не прощения. Это сложное понятие. Даже теперь многие употребляют слово, не понимая его». Добавляет, что слова «sad» (печальный) и «satis» (сытый, довольный) изначально значили одно и то же.

1968 год

Понедельник, 1 июля. Борхес рассказывает, что в «Насьон» ему предложили написать автобиографию. Он признает, что это позволит навести некоторый порядок и отмести предвзятые суждения. Он сможет раскритиковать ультраизм, креольские выходки. Бьой: «А заодно и лабиринты с зеркалами. Все, что несущественно». Борхес: «Надо быть осторожнее и не писать автобиографию, подобно Честертону[66], с обилием символов и иносказаний. Его биографии, написанные Мейзи Уорд[67], намного лучше». Бьой: «Тебе также не следует писать автобиографию подобно Киплингу, превосходную, но оставляющую многое за скобками. Киплинг был очень скрытным. Ты не такой. Ты нескромен, и нескромности выходят у тебя неплохо. Напиши ты книгу, подобно Киплингу, получится игра в Киплинга, и ты не будешь самим собой». Борхес: «Я постоянно перечитываю ‘Кое-что о себе’; кажется, даже помню целые абзацы наизусть».

Вторник, 9 июля. Борхес от души потешается над оратором, которого услышал на съезде писателей в Сантьяго [де Чили]; тот, расхваливая советскую молодежь, заявил, что ее кумирами являются Че Гевара и Евтушенко: «Удивительные, оригинальнейшие люди: восхищаются оплаченным ими же человеком, который убивает и грабит для расширения советской империи, и поэтом, которого помнят за стихи, подобные ‘Бабьему Яру’, где тот отважно называет еврея *братом.* Отлично, что он так поступает, но что это за молодежь, если она выбирает такого поэта из всех?» <…>

Борхес: «Я знаю, имеются сомнения относительно существования „я“, но никто не сомневается в том, что существование общества еще более сомнительно».

Суббота, 5 октября. Борхес замечает: «Диктатуры пользуются тем, что никто не любит признавать свой страх. Действительно, обделавшись со страху, ты изображаешь энтузиазм, пылкое участие в общем великом деле. Потом скажешь, что заблуждался, это вроде не так стыдно… Fooling who?[68]»

Борхес: «В этой стране мы уже двести лет силимся пристойно пожарить мясо, а все получается как подошва. Пора бы кончить с этой показухой».

Четверг, 17 октября. Борхес говорит: «Суинберн извлекает из языка все, что тот способен дать». Составляем список авторов, обладающих этим качеством: Мередит, Теннисон, Шекспир, Гюго, Дарио.

Воскресенье, 22 декабря. Обсуждаем женщин и курьезные причитания сэра Томаса Брауна о том, что люди не могут размножаться, как деревья. Борхес: «Не думаю, что дефект женщин именно в этом. У них это в голове». Бьой: «Я думаю о них как о *a choice of evils*[69]. Борхес: „Ну, не настолько“. Бьой: „Как это *не настолько} Я* не расстаюсь с этой, потому что сравниваю ее с той, и не знаю, что мне сулит следующая“. Борхес: „Прав был Сэмюэл Джонсон, утверждая, что, если женщина проповедует, ее надо хвалить не за то, что она делает это хорошо, а за то, что она вообще это делает, как собачку, стоящую на задних лапках“[70].

1969 год

Суббота, 28 июня. Борхес: „Похоже, Шекспир писал по два текста для каждой пьесы; один для писательского удовольствия, второй для постановки, acting text[71]. Считается, что от ‘Макбета’ сохранился лишь acting text, а от других пьес — первый, литературный. Поэтому ‘Макбет’ — лучшая из его пьес“.

Воскресенье, 28 декабря. Борхес: „‘Предпоследняя дверь’? Отличное название! У Мальеа выдающиеся способности придумывать хорошие названия. Жаль только, что он упорно приделывает к ним книги“.

1971 год

Понедельник, 17 мая. Борхес: „Приходится выбирать между

криминальными русскими и туповатыми американцами. Туповатыми, но все же ловкими коммерсантами: они отвратительно влияют на Англию. Повсеместно. Нынче беседа между писателями обязательно касается авторских прав. Я познакомился с этой знаменитой писательницей Айрис… Мердок. Она показалась мне half-wit[72]. Притчетт[73] чуть лучше. Но ненамного“.

Суббота, 10 июля. За обедом Борхес внезапно говорит: „Думаю, нет никакого смысла в том, чтобы я каждодневно работал с Норманом[74] над переводами моих рассказов на английский. В этом есть что-то нездоровое — постоянно возвращаться к собственному прошлому. Да и какое мне дело до переводов? Я аргентинец и пишу, чтобы меня читали здесь. Мне семьдесят два года: успех меня не волнует. Успех в США или Европе — что он для меня значит? По правде говоря, успех мне совершенно безразличен. Это просто абсурдно — извечно продолжать эту работу. По-моему, осталось десять томов. Если я и дальше буду все переводить, лучше больше не писать, ведь из-за всего вновь написанного растет объем непереведенного“.

1972 год

Пятница, 14 января. Борхес: „Люди говорят мне о Кортасаре, как о предателе, потому что он принял французское гражданство. По-моему, это совершенно не важно. Или после сей волшебной операции он разлюбил нашу фирменную вареную сгущенку — „дульсе де лече“? За пределами России быть писателем-коммунистом очень просто. Достаточно заявлять, что ты — коммунист. Читая Кортасара, ты замечаешь что-то особенное? Это в России им приходится подстраиваться под определенные правила“.

1973 год

Воскресенье, 4 февраля. Беседуем о метрике. Бьой: „Английский пятистопный ямб звучит как испанский или итальянский одиннадцатисложник“. Борхес: „Я никогда не изучал метрику; всегда доверял слуху“.

1974 год

Среда, 23 января. Борхес говорит по телефону, что правит корректуру своего „Полного собрания сочинений“: „Поразительно, какую чушь я написал. Такие книги, как ‘Эваристо Каррьего’ и ‘Обсуждение’, невозможно исправить. Напечатаю их, как есть, и отмежуюсь в приписке“. Бьой: „Насколько я помню, ‘Обсуждение’ — восхитительная книга“. Борхес: „Ну, не знаю насчет ‘Обсуждения’, но что можно ждать от книги об Эваристо Каррьего[75]? От книги о насекомом? Странно, но Эваристо Каррьего был остроумен в разговоре. Хотя если подумать, вовсе это не странно, ведь разговор вытекает из контекста, но человек пишет в одиночку, никакого контекста нет, приходится его создавать, а в голове нет ни одной мысли“.

Четверг, 28 февраля. По словам Борхеса, его отец говорил, что одно слово в Евангелиях в пользу животных избавило бы их от тысяч лет грубого обращения. Но искать это слово бесполезно, его там нет.

Среда, 6 марта. Читаем Вольтера. Борхес: „Вольтер, по-видимому, был одним из величайших людей, когда-либо живших на земле“.

Воскресенье, 31 марта. Борхес рассказывает, что в одной саге герой, отважный воин-победитель, под конец, состарившись, сидит у огня в суровую исландскую зиму, а служанка выгоняет его, выпихивает на улицу, где он умирает от холода. „С каждым из нас может случиться такое“, — добавляет он.

Понедельник, 3 июня. Читаем Вольтера. При чтении об ужасах в Англии времен Ричарда III Борхес замечает: „Это означает, что цивилизовать можно любую страну“.

1977 год

Вторник, 11 октября. Бьянко рассказал мне о диалоге Борхеса с таксистом. Борхес: „Я не могу читать. Я слепой“.

Таксист: „Ничего не можете читать?“ Борхес: „Нет. Ничего“. Таксист: „Даже газет?“

Суббота, 19 ноября. Борхес рассказывает, что ему приснился кошмар. Он направляется к поезду на вокзал Конститусьон, так как должен читать лекцию в Ла-Плате. По пути замечает, что несет с собой подушку: он ее бросает. Позднее, уже на вокзале обнаруживает, что несет вторую подушку, чуть меньше первой: он ее бросает. Окошко по продаже билетов находится на перроне. Борхес платит. Кассир, брюзжа, дает ему сдачу — целую уйму купюр — и маленькую подушечку. В этот момент Борхес проснулся.

1978 год

Воскресенье, 31 декабря. Борхес считает, что „The End of the Tether“[76] — замечательная повесть, и задается вопросом, могли слепой, подобно капитану из этой повести Конрада, в течение нескольких дней скрывать свою слепоту? Конрад пишет о мраке у слепого: Борхес говорит, что никогда не ощущает мрака; он тоскует без тьмы. Мир для него отдает голубоватыми, либо желтоватыми, или оранжевыми тонами.

1979 год

Воскресенье, 21 октября. Борхес говорит, что ему приснился сон: ужасно сильный карлик запихивает ему в рот перья, которые затем оборачиваются птицами. Отмечает: „Странно, за минуту придумываешь такие несуразности“. Рассказывает еще: „Снилось мне также, что я нахожусь в библиотеке с бесчисленным множеством одинаковых книг. Они переплетены. Без названия или имени автора. Вроде бы книги с краткими мыслями или фрагментами. Я читал какие-то из этих фраз: они были непонятны. Я хотел уйти и не находил выхода. У господина, который находился в библиотеке и во сне был одним из моих друзей, я спрашивал, где дверь для выхода. ‘Вообще-то ее нет’, — отвечал тот“. Борхес добавляет, что Джонсон (в беседе с Босуэллом)[77] и Шопенгауэр отмечали следующее: порой в сновидениях побочному персонажу известно то, о чем не знает центральный персонаж, которому снится сон.

1980 год

Суббота, 26 января. Борхес: „В происходящем не бывает ничего романтичного. Романтика рождается из ностальгии“.

Понедельник, 25 августа. Борхес рассказывает, что впервые он вырядился на маскарад в костюм дьявола. Опыт ему понравился: ему показалось, что в этом наряде он неотразим. Его сестра Нора надела костюм клоуна. Я видел фотографию Норы в этом костюме[78]. Она смеется, ужасно довольная. Рассказывая о том, как он радовался своему наряду, Борхес отмечает: „Ошибка. Важно понять, что жизнь состоит из совершения ошибок и их преодоления. Ошибки столь же нелепые, как считать себя неотразимым в костюме дьявола: то, что я стал ультраистом, то, что потом вступил в радикальную партию, — последняя ошибка

оказалась наихудшей“.

1982 год

Пятница, 8 января. Беседуем о том, как мы начинали в литературе. Борхес говорит: „Я писал со словарем синонимов и всегда старался употребить самые диковинные слова. Когда мне удавалось вставить их в мои сочинения, я очень гордился и думал, что критика отметит, как я раскопал это старое, столь полезное слово. Однако те же самые слова, когда я читал мои тексты дома, вызывали у меня чувство стыда“.

Пятница, 19 марта. Бьой: „Для дружбы между двумя писателями желательно, чтобы каждый одобрял книги другого“. Борхес: „Не одобрял, а смирялся с ними“.

Понедельник, 13 декабря. Борхес рассказывает сон. Он идет со мной по туннелю с шероховатыми стенами. Я низенький, почти ребенок. Он несколько напуган, потому что туннель, кажется, тянется бесконечно. Словно догадавшись о его тревоге, я ему говорю: „Сейчас найдем выход. Дверь справа“. Борхес видит дверь и говорит: „Она слева“. Я отвечаю: „Значит, нам это снится“.

1984 год

Понедельник, 13 февраля. Последние вести о Борхесе и Марии [Кодаме][79], сообщенные Фанни[80] Сильвине: Борхес уже ни с кем не видится, не только с нами, но и с Ноэми Улья или Алифано[81]. Утром принимает журналистов et alii[82]. Потом обедает и устраивает сиесту. Потом приходит Мария, они работают и ужинают, у него не остается времени видеться с кем-то еще. Фанни заключает: „На деле она хочет именно этого: чтобы он больше никого не видел“. Если это окажется правдой, я не удивлюсь: несколько моих приятелей прошли через нечто подобное. Сама Сильвина, при возможности, сделала бы со мной то же самое.

1985 год

Среда, 30 января. Бьой: „Надо бы закончить перевод ‘Макбета’“. Борхес: „Конечно. Какие трудности? Никаких. Более-менее настроить слух на одиннадцатисложный стих. Нынче ни у кого нет слуха. Никто не способен распознать восьмисложник.

Каким бы плохим ни оказался наш перевод, он будет лучше ‘Гамлета’, переведенного Андре Жидом“. И добавил, что теперь никто не умеет писать прозой, приемлемой с грамматической или разговорной точки зрения.

Среда, 27 ноября. Звонит Панчо Муратуре[83], просит отвезти Борхеса сегодня вечером к Альберто Касаресу[84]. Я говорю: „Борхес улетает в Италию“. Звонит Касарес: „Борхес остался и придет в книжный магазин“. Вечером иду в книжный магазин. Борхес хорошо выглядит. Рассказывает мне, что Талейран, умирая, все сетовал: ‘Quel tourment’. Король, будучи рядом, спросил: ‘Déjà?’[85]».

Его забирают в полдевятого.

1986 год

Понедельник, 12 мая. Сегодня говорил с Борхесом, он в Женеве. Около девяти, когда мы собирались завтракать, зазвонил телефон. Подошла Сильвина. Вскоре я понял, что она говорит с Марией Кодамой. Сильвина спросила, когда они возвращаются; Мария на вопрос не ответила. Сильвина поговорила и с Борхесом, снова спросив: «Когда вы возвращаетесь?». Она дала мне трубку, и я поговорил с Марией. Сообщил ей мало значащие новости об авторских правах (из вежливости, чтобы не переходить на патетику). Она сказала, что Борхесу нездоровится, он плохо слышит и повышает на нее голос. Возник голос Борхеса, я спросил, как он поживает. «В общем, средне». «Я хочу тебя видеть», — сказал я. Странным голосом он ответил: «Я больше никогда не вернусь». Соединение оборвалось. Сильвина сказала: «Он плакал». По-моему, да. Думаю, он звонил, чтобы попрощаться.

1987 год

Февраль. Борхес умер в обществе Марии, Бернеса[86] и, вероятно, Бьянчотти[87]. Мария была его любовью, почему я и сказал: «Восьмидесятилетним он вернулся со своей любовью в страну лучших воспоминаний». По сути, Мария — женщина со странной идиосинкразией; она обвиняла Борхеса по любому поводу; наказывала молчанием (Борхес, не забудем, был слепым); ревновала его (приходила в ярость от преклонения почитателей); теряла терпение из-за его медлительности. Живя с ней рядом, он боялся ее рассердить. К тому же Мария была человеком иных, чем

он, традиций. Борхес как-то сказал мне: «Нельзя жениться на человеке, не знающем, что такое пончо или наша вареная сгущенка — „дульсе де лече“». Пончо или «дульсе де лече» можно заменить бесконечным множеством других вещей, которые Мария и Борхес никогда не разделяли. Думаю, он мог чувствовать себя с Марией очень одиноким. Бернеса он знал очень поверхностно, видел до этого лишь у меня дома. Что до Бьянчотти, то для Борхеса он всегда был смешным, тщеславным, манерным, марионеточным персонажем.

По словам Сильвины, Борхес отправился в Женеву и женился, чтобы показать свою самостоятельность, подобно пареньку, который стремится стать самостоятельным и творит сумасбродства. Я бы добавил: «Он уехал, чтобы показать свою самостоятельность, и заодно, чтобы не перечить Марии».

1989 год

Бернес рассказал мне, что дней за пятнадцать до смерти Борхес почувствовал ее присутствие. Он вроде сказал: «Она пришла. Она здесь». Я спросил, описал ли он ее. Бернес ответил: «Он сказал, что это что-то внешнее, жесткое, холодное».

Одна из последних его шуток. Бернес упоминает «Золотую монету». Борхес поправляет: «железная»[88]. Бернес недоволен своей ошибкой. Борхес говорит: «Не сердитесь. Вы сделали то, что не удалось алхимии».

К концу Бернес читал ему «Ульрику». Борхес заметил: «Это написал я». По словам Бернеса, он умер, читая «Отче наш». Произнес его на англосаксонском, английском, французском и испанском.

<…>

Бернес записал, как Борхес поет «Я — та брюнетка» и другие танго. Он утверждает, что на этой записи Борхес смеется своим обычным смехом.

notes

Примечания

1

«Комическая иллюзия» *(франц.)* — пьеса Корнеля. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. перев.)*

2

Антистихи *(франц.)*. Поль-Жан Туле (1867–1920) — французский поэт-символист.

3

Леопольдо Лугонес (1874–1938) — аргентинский поэт и прозаик.

4

Маседонио Фернандес (1874–1952) — аргентинский писатель, наставник Борхеса.

5

Джон Уильям Данн (1875–1949) — английский мыслитель, вошел в историю философии XX в. как создатель многомерной модели времени.

6

Шуль Солар (наст, имя Оскар Агустин Алехандро Шульц Солари, 1887–1963) — аргентинский художник, писатель, изобретатель искусственных языков, наставник Борхеса и друг его отца.

7

Фриц Маутнер (1849–1923) — австрийский и немецкий писатель и философ, имеется в виду его трехтомный труд «Введение в критику языка» (1901–1902).

8

«Погребение в урнах», «Христианские учения» и «Вероисповедание врачевателя» *(англ., итал.)*.

9

Филипп Огюст Матиас Вилье де Лиль-Адан (1838–1889) — французский писатель, автор фантастических новелл.

10

Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, театральный критик и художник.

11

Хосе Эрнандес (1834–1886) — аргентинский поэт, автор поэмы о гаучо «Мартин Фьерро», ставшей едва ли не главным памятником национальной словесности.

12

Иларио Аскасуби (1807–1895) — аргентинский поэт, автор нескольких поэм о гаучо.

13

Джон Грант Копланд (1927–2000) — американский испанист, под его редакцией в США вышел первый томик борхесовской прозы.

14

Сэмюэл Батлер (1835–1902) — английский писатель и художник.

15

Поль Груссак (1848–1929) — аргентинский писатель, выходец из Франции.

16

Эдуардо Мальеа (1903–1982) — аргентинский прозаик.

17

Рикардо Гуиральдес (1886–1927) — аргентинский поэт и прозаик, его славу составил роман о гаучо «Дон Сегундо Сомбра» (1926).

18

Мануэль Пейру (1902–1974) — аргентинский писатель, близкий друг Борхеса с юных лет.

19

Сильвина Окампо (1903–1994) — аргентинская писательница, друг Борхеса и жена Бьоя Касареса.

20

Асорин (наст, имя Хосе Мартинес Руис, 1873–1967) — испанский писатель.

21

Хулия Пейру — дочь аргентинского военного, политика и писателя Мануэля Хосе Оласкоаги, жена Мануэля Пейру.

22

Маргарита Бунге (1913–1991) — знакомая Борхеса; Борхес посвятил ей миниатюру «Клинок», вошедшую в книгу «Эваристо Каррьего» (1930).

23

Детские стишки *(англ.)*.

24

Хилэр Беллок (1870–1953) — английский писатель и публицист.

25

Мэтью Арнольд (1822–1888) — английский поэт, историк, эссеист.

26

Джордж Огастас Мур (1850–1933) — английский (ирландский) прозаик, поэт, драматург.

27

Здесь: эрзац *(франц.)*.

28

Хайме Рест (1927–1979) — аргентинский переводчик, историк и преподаватель литературы.

29

Сальвадор Форньелес — аргентинский правовед, адвокат, историк.

30

Приостановка неверия *(англ.)* — выражение, введенное С. Т. Кольриджем в его труде «Biographia Literaria», гл. XIV (1817).

31

Нестор Ибарра (1907–1986) — французский переводчик-испанист, «Морское кладбище» — поэма Поля Валери.

32

Роман со вставными эпизодами *(франц.)*.

33

Лорел и Харди — актеры-комики в голливудском кино 1920—1930-х гг.

«Дегуманизация искусства» (1925). *(Прим. автора.)*

35

Леопольдо Фреголи (1867–1936) — итальянский артист варьете, мастер сценических перевоплощений.

36

Тристан Тцара (наст. имя Сами Розеншток, 1896–1963) — румынский, а затем французский поэт-сюрреалист.

37

Лапища *(англ.)*.

38

Филострат Старший (170–247) — римский писатель, автор, среди прочего, романизированного жизнеописания философа-неопифагорейца Аполлония Тианского.

39

«Неблаговоспитанный мастер церемоний Косукэ-но Сукэ» (1933). *(Прим. автора.)*.

40

Эмма Риссо Платеро (1904–1981) — уругвайская писательница и дипломат, близкая знакомая Борхеса; в 1955–1957 гг. находилась в Японии в качестве атташе по культуре уругвайского посольства. *(Прим. автора.)*

41

Уолдо Фрэнк (1889–1967) — американский писатель; коммунист.

42

Нечто вроде Вольтера без его острого ума *(франц.)*.

43

«Теневая черта» *(англ.)* — роман Джозефа Конрада (1917).

44

Хуан Доминго Перон (1895–1974) — аргентинский военный, авторитарный политик популистского толка.

45

Роберт Грейвс (1895–1985) — английский поэт, прозаик, исследователь мировой мифологии, переводчик.

«Et tout le reste est litterature» *(франц.)* [Verlaine. Art Poetique. //Jadis et Naguere (1884)]. *(Прим. автора.)*

47

«Счастье — единственное оправдание жизни» *(англ.)* — «Little Essays» (1920) американского философа и писателя Джорджа Сантаяны (1863–1952).

48

Перевод Библии на современный английский язык, Новый Завет вышел в 1961 г., Ветхий — в 1970-м.

Не понимая друг друга *(англ.)*.

50

«Странствия Персилеса и Сихизмунды» (1617) — роман Сервантеса.

51

«Сильнее страсти нет огня, и нет акул страшней корысти» *(англ.)*.

Тонкостей стиля *(англ.)*.

53

Энрике Ларрета (1875–1961) — аргентинский писатель, дипломат, общественный деятель.

54

Морис Баррес (1862–1923) — французский романист.

55

Чарльз Морган (1894–1958) — английский романист и драматург.

56

«Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821), II. *(Прим. автора.)*

57

Сальвадор де Мадарьяга (1886–1978) — испанский писатель и дипломат.

Безопасная сторона *(англ.)*.

59

«Такова она, жизнь, Федерико, и это дары, / которые может тебе предложить моя дружба, дружба мужчины мужественного и печального». «Ода Федерико Гарсиа Лорке». Перевод В. Столбова. В кн.: «Местожительство — Земля, II часть» (1931–1935). *(Прим. автора.)*

«Преступление было в Гранаде» (1937). *(Прим. автора.)*

61

Мария Эстер Васкес (р. 1937) — аргентинская писательница, друг и соавтор Борхеса, автор нескольких книг о нем.

62

Хосе де Сан-Мартин (1778–1850) — национальный герой Аргентины.

63

Родольфо Пуга — аргентинский журналист.

Убийственные славословия *(англ.)*.

65

Жозе Мария Эса де Кейрош (1845–1900) — португальский писатель.

«Автобиография» (1936). *(Прим. автора.)*

«G. K. Chesterton» (1944) и «Return to Chesterton» («Возвращение к Честертону», 1952). Мейзи Уорд (1889–1975) — английская писательница. *(Прим. автора.)*

Кого мы дурачим? *(англ.)*

Своего рода напасть *(англ.)*.

70

Джеймс Босуэлл «Жизнь Сэмюэля Джонсона», «31 июля 1763 года». *(Прим. автора.)*

71

Текст для постановки, с ремарками для актеров *(англ.)*.

Слабоумная *(англ.)*.

73

Виктор Соудон Притчетт (1900–1997) — английский писатель.

74

Норман Томас Ди Джованни (р. 1933) — литературный секретарь Борхеса, переводчик его новелл на английский.

75

Эваристо Каррьего (1883–1912) — аргентинский поэт, друг семейства Борхес.

«Конец рабства» *(англ.)*.

77

Джеймс Босуэлл «Жизнь Сэмюэля Джонсона», «1780 год». *(Прим. автора.)*.

78

См. M. de Torre Borges. Borges; Fotograffas y manuscritos. — Renglón, 1987: 38. *(Прим. автора.)*.

79

Мария Кодама (р. 1937) — подруга и помощница Борхеса, затем его жена и вдова.

80

Эпифания Уведа де Робледо (1922–2006) — с конца 1940-х гг. домоправительница в семействе Борхес.

81

Ноэми Улья (р. 1930), Роберто Алифано (р. 1943) — аргентинские писатели.

И прочих *(лат.)*.

83

Франсиско Муратуре (?-1989) — друг Борхеса и Бьоя Касареса.

84

См. заявления А. Касареса (Последний вечер с Борхесом в Аргентине // Лимитес, 1988, № 1). «Любой мог подойти к Борхесу или Бьою, который тоже был там, и спросить о какой-нибудь книге, о рассказе, о чем угодно. И оба они заводили разговор со всяким собеседником». *(Прим. автора.)*

85

«Какие муки!»… «Уже?» *(франц.)*.

86

Жан-Пьер Бернес (р. 1940) — французский литератор, помогал Борхесу в составлении его французского «Избранного».

87

Эктор Бьянчотти (1930–2012) — французский писатель, выходец из Аргентины, в 1955 г. покинул страну.

«Железная монета» (1976) — сборник стихов Борхеса.